

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 305–319.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 305–319.

Обзорная статья / Review article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-305-319

ТУРБУЛЕНТНАЯ ИСТОРИЯ: К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Обзор Международной научной конференции «СССР и Европа
в контексте мировых конфликтов: идейные противоборства (1922–1991)»

Илья Алексеевич Крисанов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
iakrisanov@edu.hse.ru

Благодарности: Обзор подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Крисанов И. А. Турбулентная история: к столетию образования СССР // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 305–319. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-305-319.

Academic Life. Reviews

TURBULENT HISTORY: ON THE CENTENARY OF FOUNDATION OF THE USSR
Review of the International Scientific Conference “The USSR and Europe in the
Context of World Conflicts: Ideological Confrontations (1922–1991)”

Ilya A. Krisanov

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, iakrisanov@edu.hse.ru

Acknowledgments: The review was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Krisanov, I. A. (2022) “Turbulent History: On the Centenary of Foundation of the USSR”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 305–319. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-305-319.

Международная научная конференция «СССР и Европа в контексте мировых конфликтов: идейные противоборства (1922–1991)», организованная Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога (МЛРИД) НИУ ВШЭ, прошла 14–15 октября в онлайн-формате, будучи приуроченной как к столетию проекта СССР, так и к той ситуации, в которой Россия и Европа оказались по отношению друг к другу в нелегкий 2022 год. Осмысление турбулентной русской истории в период существования СССР, как внутренней, касающейся интеллектуальной и более широкой культуры, так и внешней, связанной с феноменами «русского зарубежья» и диалога с Европой, переживавшей в то время потрясения не меньшие, чем сама Россия, никогда не было простой задачей. Однако, объединив в междисциплинарном подходе усилия философов, историков, литературоведов, политологов, социологов и других специалистов, как зрелых, так и студентов, данное мероприятие стало вехой в этом процессе. Конференция сплела в одну канву разные направления, подходы, страны и поколения при обсуждении уже завершившейся эпохи, но при этом продолжающей влиять на нашу становящуюся всё более и более непредсказуемой современность.

Конференция открылась вступительным словом д-ра филос. наук, ординарного профессора НИУ ВШЭ, заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ *Владимира Карловича Кантора* (Москва), посвященным общим вопросам, поставленным перед участниками конференции. Его программная речь не могла не коснуться того положения дел, в котором оказалась Россия за последние месяцы. Мы все вновь убедились, что истории без насилия не бывает, а катастрофический XX век — век войн и революций — был не исключением, а скорее правилом, хоть и доведенным в своей жестокости до абсурда. Историю бедствий России в этой бурной эпохе стоит рассматривать как ключевую. Первая мировая война, пробудившая Европу от некоторой летаргии, вызванной отсутствием серьезных конфликтов на континенте в течение нескольких де-

сятелетий после объединения Германии, стала для России и Европы в целом событием, которое следует охарактеризовать как откровенное коллективное самоубийство. СССР, сформировавшийся по его итогам, стал принципиально иной цивилизационной моделью, с которой жителям всей планеты пришлось уживаться долгие 70 лет. Европа же предала свой гуманизм и европейские ценности, которые культивировала со времен Античности и к которым Россия приобщилась при Петре I. К 1922 году не осталось ни старой Европы, ни старой России. Нынешняя европейская катастрофа имеет те же корни, что и события более чем вековой давности, и европейский выбор Петра, описанный в том числе в поэме А. С. Пушкина «Полтава», продолжает играть роль в том конфликте, с которым нам всем сейчас пришлось столкнуться. Но эта история еще требует своего осмысления, и сама открывшаяся конференция, исследующая вопросы такого далекого, но на самом деле такого близкого прошлого, от этого только выигрывает.

Первый доклад прочитал канд. филос. наук *Борис Вадимович Межуев* (философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва). Он проанализировал геокультурные основания проекта СССР. По мнению выступающего, для советских республик события 1922 года стали моментом краха надежд на экспорт революции на красноармейских штыках, для Европы — моментом критического разочарования в Версальской системе в связи с экономическим кризисом в Германии и утверждением недемократических режимов в Италии, Польше, Венгрии и иных странах. Опираясь на концепцию Вадима Цымбурского, докладчик предложил рассмотреть 1922 год как начало нового этапа для России, когда она как цивилизация могла предложить Европе альтернативный путь развития. Другими такими этапами были 1813–1848 годы, когда Россия предложила идею Священного Союза, и 1945–1953 годы, когда СССР, правда гораздо менее успешно, предложил Европе идеи Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора. Неудача польской кампании РККА и поражение Гамбургского восстания заставили советское руководство, в частности Л. Д. Троцкого, предложить Европе иной, не связанный с кровавой революцией способ покончить с бедами «старого мира». Таким выходом должны были стать Соединенные Штаты Европы — наднациональный союз, сплоченный общей целью. Созданный в конце 1922 года СССР должен был стать первым шагом на пути к этому всеевропейскому союзу. Однако альтернатива не была принята Европой, и свой шанс предложить иной геокультурный проект Россия потеряла. Борис Вадимович завершил выступление рассуждением о современной ситуации, в которой оказалась Россия. В определенном смысле наша страна в начале 2020-х годов, после тридцатилетнего этапа постепенного возвращения

в лоно европейских держав, вновь могла предложить свою геокультурную альтернативу, но кажется, Европа опять отвернулась от нее, и наша страна вновь оказывается в ситуации, близкой к Рижскому миру, похоронившему ее надежды на демонстрацию своих целей военным способом.

Следующий доклад был прочитан д-ром ист. наук *Владимиром Прохоровичем Булдаковым* (ИРИ РАН, Москва), который начал выступление с полемики с предыдущим докладчиком. По его мнению, СССР с трудом можно назвать проектом. Да и вообще едва ли можно говорить о XX столетии как веке глобальных проектов. Ситуация, в которой Европа (и Россия как ее часть) оказалась после войны, — это голод, разруха, эпидемия испанки и целое поколение, принесенное в жертву на полях Вердена и Галиции. Вряд ли она располагала к глобальному строительству. Скорее люди были вынуждены бороться за выживание, что заставляло тянуться к любой власти, способной обеспечить их кровом и едой. Советский Союз в этом смысле выиграл не за счет своих идеологов и радикалов. Последних было несравненно меньше, чем простых функционеров и нововступивших в партию вчерашних крестьян и солдат, ставших главной опорой режима. НЭП в этом смысле, как неоправданная марксистской теорией уступка законам рынка, был вполне обоснован целью банального выхода из послевоенного кризиса, а его самыми яркими критиками были отнюдь не сторонники Сталина, а новое поколение урбанизированных студентов, радикально расходившихся в своих представлениях с крестьянским большинством, и вступившая в партию еще до революции интеллигенция вроде Троцкого или Зиновьева. Не понимая консервативного и патерналистского настроения большинства, они проиграли Сталину, сделавшему ставку именно на эти чаяния народа. В этом контексте совсем не удивительны заигрывания партии с различными религиозными движениями вроде баптистов, пытавшихся реализовать сходный проект «чего-то среднего между Городом Солнца и Аракчеевщиной», как не удивительны были и репрессии против них в 1930-е годы — ведь победившая партия не терпела соперников.

Доклад д-ра филол. наук *Анастасии Георгиевны Гачевой* (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Москва) был посвящен почти забытым последователям основателя русского космизма Н. Ф. Федорова — А. К. Горскому, Н. А. Сетницкому и В. Н. Муравьеву. После революции эти писатели и мыслители оказались в абсолютно ином для себя мире, и примирить свои религиозные взгляды с новым насаждаемым материализмом стало для них непростой задачей. Однако итоговая система русского космизма, выраженная на языке, пригодном для коммунистического проекта, не может не вызывать интереса у современных исследователей. У героев доклада была возможность эмигрировать, как это

сделали многие более известные русские философы, но они решили остаться, поскольку не считали, что большевистский проект обречен на провал. Напротив, возлагая надежды на Пролеткульт и Научную организацию труда, они рассматривали эти проекты как первый шаг на пути к реализации собственных идей — спасению не только наших материальных тел, но и наших душ. Однако борьба за экономическое равенство была для них благом, но не самоцелью. В духе всеединства они требовали постепенного перехода от известного всем лозунга Манифеста коммунистической партии к лозунгу «Смертные всех стран, соединяйтесь!». Выражая свои идеалы на большевистском языке, но сохраняя глубоко духовный смысл, они остались непонятыми большевиками. Несмотря на то, что впереди двенадцати коммунистов шел Христос, это не мешало им стрелять в него. Так и судьба героев доклада, до конца жизни веривших в неразрывное единство большевизма и всеединства, закончилась трагедией, в силу чего их идеи, во многом предвосхитившие современный поворот к экологии и заботе о духовной жизни, были забыты на многие годы.

Первую секцию завершил доклад д-ра филол. наук *Людмилы Луцевич* (Варшавский университет, Польша), посвященный судьбе Александра Александровича Зиновьева — человека абсолютно другого поколения по сравнению с героями предыдущих докладов, но поднимавшего те же вопросы о соотношении глобального советского проекта и чаяний простых людей, которых он перемалывал. Сконцентрировавшись на зиновьевском понятии «отщепенства», докладчик пришла к выводу о его многогранности. Это согласуется с противоречивым отношением самого Зиновьева к советской действительности. Обличая советскую реальность в своих произведениях, он тем не менее даже в эмиграции считал себя «советским патриотом». Отщепенец, превознося собственный бунт над системой, не надеется на его успех, но и не ставит себя выше по отношению к режиму. Он может мыслить себя в качестве сакральной жертвы, нигилиста или по-настоящему свободной личности, но никогда не станет довольным своим положением. Тем не менее на примере Зиновьева мы видим не только образцовый, в том числе и для наблюдения, пример отщепенства как стратегии по отношению к власти, но и указание на то, как популярна эта стратегия была в послевоенном СССР. Полную историю данного феномена только предстоит написать, но прочитанный доклад можно считать в каком-то смысле пролегоменами к ней.

Следующую секцию, посвященную проблематике русского зарубежья, открыл совместный доклад д-ра филос. наук *Бориса Исаевича Пружинина* (ИФ РАН, Москва), д-ра филос. наук *Татьяны Геннадиевны Щедриной* (МПГУ, Москва) и канд. филос. наук *Ирины Олеговны Щедриной* (МЛРИД НИУ ВШЭ). Опираясь на

многолетнюю работу в архиве семьи Шоров, они успешно реконструировали ту интеллектуальную атмосферу, в которой жили и творили выдающиеся философы, писатели, музыканты и иные интеллектуалы, вынужденные покинуть Россию после революции. Архив Шоров раскрывает нам, среди прочего, взаимоотношения Г. Г. Шпета с протестантскими немецкоязычными изданиями в нелегкие для Европы 1920–1930-е годы. Этот мотив сохранения высокой культуры в условиях катастрофы не только в России, но и в Европе — сначала из-за последствий Первой мировой войны, потом в связи с наступлением нацизма в преддверии Второй мировой — особенно ярко звучал на данной конференции, а в данной секции особенно. Архив Шоров, настоящая сокровищница для изучения судьбы «России вне России», служит не только отличной иллюстрацией к этому полузабытому эпизоду нашей истории, но и настоящей лабораторией. Необходимо этот контекст изучать, осмыслять и говорить о нем на том же утерянном в Советском Союзе философском языке.

В этом контексте не менее примечателен доклад, посвященный С. Л. Франку и прочитанный доктором филос. наук *Ольгой Анатольевной Жуковой* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Как заметил по итогам этого доклада А. А. Кара-Мурза, Франк медленно становится «философом номер один» русского зарубежья, более актуальным и востребованным, чем даже П. Б. Струве и Н. А. Бердяев. Ольга Анатольевна показала, почему это так. Рассматривая отношение Франка к социализму диахронически, она продемонстрировала, как за этим, на первый взгляд, привычным для русской интеллигенции путем «от материализма к идеализму» стоял вечный поиск блага для человека, и попытка выстроить правильную общественную науку. Увлечение раннего Франка социализмом не кажется удивительным, как и его окончательный разрыв с ним уже в эмиграции. Из общественной науки социализм, и особенно его советский извод, превратился в практику обобществления души, которую Франк никак не мог принять. Для него по-настоящему благое политическое устройство не может быть сопряжено с насилием над личностью, а идеал должен требовать свободы выбора. Эти идеи, вписанные в контекст развития тоталитаризма век назад, в условиях нынешней угрозы свободе личности вновь звучат актуально и злободневно, и обращение к Франку теперь уже не может восприниматься просто как «мода» на забытое в советский период русское зарубежье.

Доклад канд. филос. наук *Александра Сергеевича Цыганкова* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) также был посвящен С. Л. Франку. В нем была представлена его философия малоизученного периода 1933–1935 годов. Многие из статей русского философа, в основном посвященные проблемам социализма, вышли в протестантском журнале экуменической направленности «Любите друг друга!»,

что само по себе предстает и как интересный феномен для изучения, и как способ понять взгляды самого Франка. По мнению Александра Сергеевича, в этом феномене мы видим как общее негативное отношение редакции и Франка к СССР, так и личную дружбу между философом и главой журнала, в том числе на почве антинацизма. Таким образом, идеалы свободы у Франка одновременно были связаны как с противостоянием политическим идеологиям, направленным на подавление свободы личности, так и с христианским, во многом пересекающимся с экуменическим движением, характером этой творческой философии¹.

С докладом, завершившим работу этой секции, выступил д-р филол. наук *Алексей Алексеевич Гапоненков* (СГУ им. Н. Г. Чернышевского, Саратов). Он рассказал об отношении философов-эмигрантов к феномену «советского патриотизма» после войны. В тот период, окрыленные победой Красной армии над нацизмом, восстановлением Русской православной церкви и общим поворотом от идей интернационализма к русскому патриотизму и героическому наследию, многие эмигранты пересмотрели свои взгляды на природу советского проекта и попытались возвратиться в СССР. Сконцентрировавшись на рассмотрении позиций И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка, докладчик показал противоречивость отношения зарубежья к этой проблеме. В конце концов, история продемонстрировала правоту идей Бунина и Франка, осуждавших подобное сменовеховство и не признававших за тоталитарной природой СССР возможности переродиться в соответствии с принципами свободы. Этот доклад подвел участников конференции к дискуссии о соотношении философии и идеологии, развернутой А. А. Кара-Мурзой. Философия является скорее критическим началом, способствующим индивидуализации человека. Идеология, напротив, феномен апологетического, а не критического разума, продукт коллективизации индивидуального сознания. В этом смысле обращение многих интеллектуалов к советской власти хоть и не было случайно, но всё же оказалось глубоко идеологично по своей природе. Семен Франк на этом фоне имел огромное мужество оставаться на стороне свободы и разума, философии, а не идеологии.

Следующая секция, посвященная литературе, началась с доклада *В. К. Кантора* о Марке Алданове. Во многом развивая тезисы из своего вступительного слова, Владимир Карлович сконцентрировался на романе «Самоубийство», удивительно точно описывающем ситуацию, в которой обнаружила себя

¹ Текст доклада и перевод одной из статей С. Л. Франка, вышедшей в журнале «Любите друг друга!», публикуются в этом номере. — *Примеч. ред.*

Европа после сараевского убийства. Марк Алданов даже для русского зарубежья личность предельно уникальная, совмещавшая удивительный научный аналитический склад ума с глубоким моральным кодексом, унаследованным от Л. Толстого. «Самоубийство» — центральная часть целой плеяды романов этого писателя, наполненных глубокой рефлексией о русской истории и точных социологических портретов людей и эпох.

Доклад *Екатерины Андреевны Гуреевой* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) и студента 4 курса НИУ ВШЭ *Ильи Алексеевича Крисанова* (Москва) продолжил осмысление творчества Марка Алданова. Уникальность его анализа волнующих всю эмиграцию феноменов — в гораздо менее предвзятом взгляде, чем у Бунина, и притом гораздо более критическом, чем у многих сменовеховцев, а также в способе повествования об этих феноменах. Философия случая Алданова действительно является хорошо разработанным языком описания, вполне сравнимым с теми проектами, которые реализовал Иванов-Разумник для социологии русской интеллигенции в первые годы советской власти или Бердяев на страницах «Духовных основ русской революции». Этот промежуточный между философией и литературой проект необходимо воспринимать также в контексте развития самой европейской литературы того периода. Затрагивая проблемы, которые интересовали новое поколение европейских писателей вроде Сэмюэла Беккета, Алданов давал на них другие ответы, позволяющие предугадать, как могла бы развиваться вековая традиция русской литературы без своего насильственного прерывания в XX веке.

Следующий доклад, посвященный отношению к революции Андрея Платонова, должен был сделать д-р филол. наук, профессор *Константин Абрекович Баршт* (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Однако он не сумел присутствовать на конференции, поэтому его текст зачитала д-р филос. наук, профессор *Марина Сергеевна Киселева* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Продолжая тему «попутчиков революции», поддерживавших большевизм не из веры в правоту марксизма, но в силу более глубокой личной философии, доклад описывал идею энергии как ключевое понятие Платонова. Революция была для него лишь этапом в изменении всего человечества и в конечном итоге победы над смертью. Именно преобразование человека на основе жизненной энергии должно было стать целью революции. Однако достоинство доклада заключается не только в обнаружении сходства с философией наследников Н. Ф. Федорова: уникальность Платонова как мыслителя революционной эпохи также заслуживает пристального наблюдения и анализа.

Доклад д-ра геогр. наук *Павла Марковича Поляна* (Мандельштамовский центр при Школе филологии НИУ ВШЭ, Москва) был посвящен наследию Оси-

па Мандельштама в контексте холодной войны. На примере поэта мы видим, какой сложной и запутанной была культурная политика взаимодействия русского зарубежья и СССР второй половины XX века. Этот аспект, часто остающийся за пределами рассмотрения как у профессиональных историков-специалистов по холодной войне, так и у философов и литературоведов, требует гораздо более пристального изучения. Данный доклад посвящен судьбам различных издателей наследия жертвы сталинских репрессий, его живых друзей-эмигрантов и нового поколения противников советской власти, их внутренним конфликтам и тому, как все эти аспекты становились инструментами в глобальной политике.

Разговор о жизни творений после смерти их авторов, об их роли в активной политике не мог обойтись без проблемы попыток «умерщвления» книг, борьбы с идеями, высказанными письменным словом. Сжигание книг стало одним из самых известных примеров нацистской тоталитарной политики и еще требует своего осмысления в более широком контексте. Именно таким стал завершающий этот день доклад д-ра филол. наук, профессора *Ирины Николаевны Лагутиной* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва), посвященный одному из советских культурных проектов, призванных консолидировать международное антифашистское движение под началом СССР. На основании архивных материалов, долгое время недоступных широкой публике, исследовательница восстановила судьбу двух акций, предпринятых советским правительством, — по созданию в Париже Библиотеки сожженных книг и по подготовке к выходу в свет в Москве книги Сергея Третьякова «Люди одного костра» — коллекции литературных портретов немецких писателей, которых объединила ненависть со стороны нацистского режима. Судьба этих проектов, почти забытых сегодня, служит прекрасной иллюстрацией сложности взаимодействия Европы и СССР.

* * *

Второй день конференции начался с доклада канд. ист. наук *Арины Владимировны Лазаревой* (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), посвященного истокам негативных характеристик России со стороны Европы. Он был по-своему уникальным, так как затрагивал не столько XX век, сколько раннее Новое время. Однако это было уместно, принимая во внимание цели и проблематику всего мероприятия. Сформированный в специфическом контексте эпохи барокко нарратив о России как «стране дикарей» продолжает влиять на умы европейцев вплоть до наших дней и заслуживает пристального изучения. Обращаясь к запискам европейских путешественников XVI–

XVII веков, стоит иметь в виду, что их целью редко становилось достоверное описание увиденного. Скорее документы несли отпечаток той культуры, в соответствии с которой формировалось мнение их авторов. В «московитах» они видели не столько реальность Московского царства, сколько те клише, которые путешественники вроде Сигизмунда Герберштейна хотели там увидеть. Так, Московия оказалась населена «благородными дикарями», которых барочная этнография помещала также и в Новый Свет, а сложная форма правления в царстве превратилась в типичный пример «восточного деспотизма», никогда не существовавшего в том виде, в котором его описывали. Всё это надолго закрепилось как синонимы России, и в XX веке, когда в коммунистическом проекте Европа вновь, как и в XVII веке, в Московии увидела «Другого», эти стереотипы только актуализировались.

Доклад д-ра социол. наук *Александра Фридриховича Филиппова* (Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, Москва) был посвящен примеру актуализации противостояния Европы и России в интеллектуальном контексте, а именно работам Карла Шмитта веймарского периода. Отношения Шмитта с Россией никогда не были однозначными. При очевидном долге перед русской традицией, во многом заложившей основы того языка права и политики, к анализу коих прибегает Шмитт, сам он никогда не был сторонником сближения с ней, поскольку часто разделял те мифы о деспотизме, об истоках которых говорилось в предыдущем докладе. Аналитический язык Шмитта почти всегда избегает каких-либо акцидентальных характеристик, претендуя быть универсальным для любых культур. Тем не менее очевидная русофобия не могла не замечаться его современниками. И хотя Шмитт не писал об экзистенциальном характере противоречия России и Германии прямо, сам он был носителем именно таких идей, а его сочинения способствовали развитию нарастающего русско-немецкого противостояния.

Другим немецкоязычным автором, чьи взгляды на Советский Союз были рассмотрены во время работы данной секции, стал Эрик Фегелин, которому посвятила доклад *Анна Андреевна Волкова* (МИЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Политическая философия Фегелина, который рассматривал идеологию Модерна как своеобразную форму гностицизма и утверждал возможность посюстороннего спасения, является одним из актуальных способов рассмотрения советского проекта. Однако подробных работ об отношении этого мыслителя к современному ему СССР не так много. В ходе выступления докладчик показала, как в его трудах напрямую затрагиваются вопросы социалистического строительства в России. Рассматривая этот интеллектуальный и культурный диалог в контексте сквозной темы конференции, мы видим не только интересный опыт срав-

нения советской действительности с американской и немецкой, но и то, как специфическая ситуация холодной войны повлияла на становление одного из самых оригинальных проектов политической философии XX века.

Работу секции завершил доклад д-ра ист. наук *Федора Александровича Гайды* (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) о русофобии в Польше в межвоенный период. Основатель второй Речи Посполитой Юзеф Пилсудский ставил противостояние с Россией как национальную, мессианскую идею польского народа еще до независимости своей родины. Поначалу Пилсудский считал именно русское правительство, а не польскую буржуазию основной угрозой польскому рабочему классу, который является главным барьером между Европой и Азией. Однако став правителем независимой Польши, Пилсудский изменил свою социалистическую риторику, но не русофобскую. Для межвоенной Польши именно Советская Россия считалась главным экзистенциальным врагом. Сама его аргументация сохранила множество черт довоенной: теперь уже «красный», а не «белый» царь, управляющий азиатскими ордами, призван разрушить Европу и Польшу как «ворота» к ней. Таким образом, русофобия 1920–1930-х годов была не просто одним из течений в европейской политической мысли, но серьезной идеологией, принимавшей в зависимости от контекста абсолютно разные формы — от влияния на конкретных интеллектуалов до влияния на целые нации. Не менее интересным была и дискуссия по итогам доклада, посвященная тому, как в ходе социальных трансформаций менялись и сами ментальные представления о целых нациях. В этом контексте *М. С. Киселева* напомнила слушателям об интересном контексте формирования идеи славянства еще в XVII веке, а именно о случае Юрия Крижанича, чьи знания о Московии были получены именно на основании тех же «Записок о Московии», которые сформировали негативные характеристики России на столетия вперед. Однако его просветительская программа, воплощающая черты эпохи барокко, была реализована на Московском дворе белорусом Симеоном Полоцким, ничего о ней не знавшим; через два столетия идея Крижанича о единстве славянского языка привела к панславизму славянофильства.

Секцию, посвященную судьбам России и Европы в ходе Второй мировой войны, открыл д-р ист. наук *Борис Львович Хавкин* (РГГУ, Москва). Он прочитал доклад о разработке Третьим рейхом планов войны против СССР. Этот сюжет, хронологически примыкающий к тематике предыдущей секции о корнях русско-европейского противостояния, до сих пор слабо разработан в российской историографии. План нападения на СССР действительно был разработан в кратчайшие сроки в условиях уже идущей войны против Британии. Фактически два плана — ведения боевых действий против СССР и сближения с ним

в целях противостояния Англии — разрабатывались параллельно, что указывает на запутанный характер политики внутри немецкого руководства. Проект молниеносной войны против СССР на практике развивался иначе, однако именно последствия решений, принятых с лета 1940 по лето 1941 года, во многом предопределили исход войны.

Вопрос о начале войны было бы бессмысленно рассматривать, не обратившись к интеллектуалам как той части европейского общества, которая пыталась предотвратить надвигающуюся катастрофу. Именно диалогу между двумя выдающимися учеными — А. Эйнштейном и З. Фрейдом — был посвящен доклад *М. С. Киселевой*. Будучи пацифистом, Эйнштейн связывал причины войны со слабостью Лиги Наций как того надгосударственного органа, который должен был предотвратить подобное развитие событий. Именно с намерением создать условия, при которых развязывание войны было бы нежелательным исходом для любой из сторон, связана записка Эйнштейна президенту Рузвельту о необходимости создания ядерного оружия. Фрейд же, напротив, считал войну естественным продолжением «инстинкта смерти», который далеко не всегда удается купировать развитием культуры. Тем не менее итоговое развитие международной политики в конце 1930-х годов показало неспособность интеллектуалов стать преградой для мировых войн, а развитие ядерного вооружения лишь усилило вопрос о моральной ответственности ученых за утверждение мира.

Доклад д-ра ист. наук *Нины Борисовны Хайловой* (ИРИ РАН, Москва) был посвящен взаимодействию русского зарубежья и СССР на примере писем потомков русских эмигрантов в Чехословакию с Восточного фронта. Вопрос о взаимопроникновении во время войны отделившихся до этого друг от друга на протяжении двадцати лет двух миров не мог не стать предметом пристального рассмотрения, и использование архивного материала послужило отличным инструментом для осмысления этого слабо изученного вопроса. Выступающая пришла к выводу, что зачастую обращение к политическим идеологиям для эмиграции было связано не столько с реальными надеждами на возвращение в Россию, сколько со способом заработка в тех странах, где эти эмигранты жили. Главным же итогом встречи двух Россией стало их взаимное узнавание и шаги навстречу, несмотря на все противоречия.

Доклад канд. филос. наук *Андрея Викторовича Мартынова* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) был посвящен феноменам оборончества и пораженчества внутри русской эмиграции в предвоенный и военный период. Отношение к потенциальной интервенции оставалось спорным и дискуссионным на протяжении всего рассматриваемого периода не только потому, что оно обнажало вопрос о признании или непризнании СССР как продолжателя России и, следовательно,

вопрос о допустимости новой войны на ее территории. Дело в том, что отношение отдельных представителей эмиграции никогда не было единым и неизменным. Белые генералы и партийцы могли по-разному относиться к тому, кто именно (бывшая Антанта или Германия) начнет интервенцию, в каком масштабе она будет выражаться и какую поддержку встретит внутри страны. Начало войны поставило перед всем зарубежьем проблему выбора позиции, однако это не привело к консолидации общества. Среди русских эмигрантов можно встретить как героев сопротивления, так и коллаборационистов, причем не только на Восточном фронте, но и на Балканах. Если говорить количественно, то большая часть русского зарубежья всё-таки склонялась к поражению, однако она никогда не была подавляющей в эмигрантском сообществе.

Работу этой секции завершил канд. ист. наук, д-р филос. наук *Алексей Алексеевич Кара-Мурза* (ИФ РАН, МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) докладом о патриотизме И. А. Ильина и П. Б. Струве. Советская историография, по мнению выступающего, намеренно упрощала картинку, выдавая Ильина за сторонника нацизма на основе его ранних статей 1920-х годов, где тот надеялся на установление фашистского строя как альтернативы большевизму. Однако отношение обоих мыслителей к Гитлеру после его прихода к власти было скорее негативным. Более того, в их взглядах наиболее ярко выражалась надежда на утверждение среди эмиграции и советских граждан общего патриотизма, патриотизма Отечества. Выступая против партийного понимания патриотизма, они считали, что любовь к Родине не должна выражаться в любви к конкретному пониманию республики, монархии или диктатуры.

Последняя секция конференции открылась докладом канд. филос. наук *Ирины Викторовны Гравиной* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва), посвященным осмыслению русской философии А. Ф. Лосевым. К этой проблематике философ обращался дважды в своей жизни — в начале, совпавшем с наступлением революции, и в последние годы жизни, пришедшиеся на закат СССР. Для Лосева в его ранний период русская философия только зарождается как система мысли, однако Алексей Федорович возлагал большие надежды на идеи, заложенные в трудах В. С. Соловьева. В них он видел преодоление ложной дихотомии не только между западничеством и славянофильством, но и между рационализмом и мистицизмом. Именно последняя идея становится предметом его пристального рассмотрения в конце жизни. Продолжая наследие Соловьева, он уделяет большое внимание логоцентризму русской мысли — Логос выступает тем идеалом знания, который выходит за пределы ограниченного Рацио, дает ему характер «мистического реализма», соединяя Восток и Запад. Этот особый характер русского философствования не был изжит даже в «атеистический пе-

риод русской истории», и поэтому свою философскую карьеру Лосев завершает ощущением единства и преемственности российской истории.

Следующий доклад был посвящен двум проектам «России после большевиков». Канд. филос. наук *Александр Андреевич Гирицкий* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) рассказал о расхождении взглядов на потенциал обустройства новой России двух мыслителей — Ф. А. Степуна и И. А. Ильина. Несмотря на все различия между их политическими программами, мы отчетливо видим у них сходные идеи о том, что Россия не должна идти по пути копирования западной модели капиталистической демократии. Проект христианско-демократической России Степуна, связанный с журналом «Новый Град», и идеал сильного национального государства у Ильина были в этом смысле гораздо ближе, чем та модель, которая утвердилась в России после 1991 года. Тем не менее оба проекта еще актуальны для современности и позволяют увидеть в феномене зарубежья не только курьез истории XX века, но и почву для рассуждений о нашем времени.

Предпоследним докладом для всей конференции стало выступление канд. филос. наук *Ильи Ильича Павлова* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) об одном из самых известных русских философов — Н. А. Бердяеве. Илья Ильич рассказал о сложных отношениях Бердяева к социализму. Если его ранний путь от марксизма к идеализму в начале XX века хорошо известен, то отношение к социализму после эмиграции изучено гораздо менее подробно. Тем не менее постепенное улучшение мнения о советском проекте и его перспективах не противоречит общей логике развития взглядов философа. Более того, его высокое мнение о потенциале теории отчуждения, изложенной в «Экономико-философских рукописях 1844 года» К. Маркса, вызвано тем же, чем отход от догматического марксизма представителей II Интернационала. Сначала в идеализме, а позже в теории отчуждения человеческой природы Бердяев видел отражение собственных представлений о необходимости свободы для человеческого духа. После войны философ не стал советским патриотом, однако в гуманистической составляющей марксизма он не видел идей, непримиримых с его собственной философией. Поворот марксизма от безликой теории неумолимых законов истории к необходимости высвободить креативную натуру человека он оценивал не просто как благо, но как первый шаг на пути к утверждению того «Царства Духа», о котором сам мечтал. Этот поворот от идеологического противостояния с Советским Союзом к рефлексии над собственной связью с ним мы видели у многих других героев прочитанных за эти два дня докладов.

Завершающим докладом стало совместное выступление д-ра филос. наук, канд. филол. наук, профессора *Игоря Вадимовича Кондакова* (РГГУ, Москва) и канд. культурологии *Лилии Борисовны Брусиловской* (РГГУ, Москва) о феноме-

не послевоенного «европеизма» и «американизма» в СССР. Поколение, прошедшее войну, как и эмиграция, ждали демократизации и ослабления режима как награды за вклад в победу. В каком-то смысле эти надежды были обоснованы — за время войны фронтовое поколение не только увидело Европу, но и благодаря ленд-лизу получило представление о жизни в капиталистических странах. Несмотря на попытки правительства насаждать культ автаркии и советского образа жизни, поколение, которое станет главным действующим лицом оттепели, видело счастье в ценностях демократии и свободы, причем как личной, так и потребительской. Фактически это поколение было главным носителем европейских ценностей, казалось бы, потерянных для России после Гражданской войны в СССР.

* * *

Сейчас не только Россия, но и весь мир столкнулись с угрозой заката того общего древа свободы, которое много поколений выращивала Европа и ее наследники. Задача интеллектуалов в эти новые темные века как никогда актуальна — именно опыт глубокой философской и межпредметной рефлексии о собственном прошлом и настоящем может помочь не допустить повторения катастроф XX века. На этой позитивной ноте, ставшей скорее приглашением к дальнейшей дискуссии, чем ее концом, конференция была завершена, но ее участники надеются, что многие затронутые вопросы станут предметом рассмотрения в рамках дальнейших встреч.

Информация об авторе: И. А. Крисанов — студент 4 курса Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: I. A. Krisanov — 4th year student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmanaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 20.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.